

Яков
Гилинский

Человеческое,
слишком
человеческое

Яков Гилинский

**Человеческое,
слишком человеческое**

«Алетейя»

2020

УДК 159.923

ББК 88.4

Гилинский Я. И.

Человеческое, слишком человеческое / Я. И. Гилинский —
«Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-046-1

Настоящий сборник продолжает авторскую традицию публиковать наиболее значимые статьи в виде сборников (2004, 2009, 2013, 2017 годы). Книга включает избранные статьи, опубликованные в период с 2017 по 2019 годы. В ней отражены наиболее значимые для автора темы: размышления о нормальности преступности и иных негативных девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, проституция, самоубийства), существующих на протяжении всей человеческой истории; преступность и девиантность в современном мире постмодерна; одно из главных противоречий современности – обеспечение безопасности или свободы и права человека. В сборник включены также три англоязычные статьи, изданные за рубежом. Название одной из статей и сборника в целом – цитата из Ф. Ницше. Книга рассчитана на специалистов: юристов, социологов, политологов, а также всех, интересующихся проблемами современной преступности, девиантности, социального контроля над ними. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.923

ББК 88.4

ISBN 978-5-00165-046-1

© Гишинский Я. И., 2020

© Алтейя, 2020

Содержание

Предисловие	7
Человеческое, слишком человеческое[1]	8
Предисловие	9
Между историей и социологией	10
Подробнее о капитализме / социализме	11
Что дальше?	15
Список литературы	16
Наказание как результат недомыслия[24]	17
Вместо предисловия	17
Смертная казнь	19
Лишение свободы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Яков Гилинский

Человеческое, слишком человеческое

© Я. И. Гилинский, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Предисловие

Первый сборник моих статей был издан к моему 70-летию в 2004 г. Второй – к 75-летию (2009 г.). Затем сборники стали выходить чаще – в 2013 и 2017 гг. Это не удивительно. Во-первых, происходит присущее современному обществу постмодерна *«ускорение времени»* (об этом во многих моих статьях и книгах). Во-вторых, ускоряется приближение моего личного Конца... По этой же причине настоящий – пятый по счету – сборник выходит с еще меньшим интервалом – в 2020 году.

Некоторым дополнительным – к жизненной спешке – основанием столь «досрочного» выпуска этого сборника является то, что именно последние годы я все больше задумываюсь о *«нормальности»* преступлений, нарко- и алкопотребления, проституции, суицида. Все это – лишь названия, этикетки к различным проявлениям *жизнедеятельности* людей. Теоретическое осмысление этого нашло отражение в статьях *«Человеческое, слишком человеческое»*, *«Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?»*, *«Преступность как повседневность»*, *«Нормальность девиантности»*. Другая важнейшая проблема – жизнь современного человека *«под колпаком»*, реализация *«1984»* Оруэлла. Об этом отчасти статья *«Уголовная политика государства и человек»*. Наконец, полностью овладевшая мною последние годы проблема преступности, девиантности, социального контроля в современном мире *постмодерна* (подробнее в моей монографии *«Девиантность в обществе постмодерна»*. – СПб: Алетейя, 2017). Здесь об этом статьи *«Социальные процессы и тенденции преступности в современной России»*, *«Социальный контроль в обществе постмодерна: мировые тенденции»* и *«Crime and Social Control in the Postmodern Society»*.

Далеко не все мои размышления последнего времени нашли отражение в опубликованных научных, статьях. Кое-что, как ни странно, есть в Фейсбуке. Кое-что никогда не будет опубликовано...

Сборник традиционно завершается рядом англоязычных опубликованных статей.

Приношу извинения за невольные повторы в ряде публикаций: наиболее важные, с точки зрения автора, положения повторяются в разном контексте.

Человеческое, слишком человеческое¹

Аннотация: в статье критически оценивается возможность создания справедливого общества без насилия и взаимоуничтожения.

Ключевые слова: человечество, насилие, взаимоуничтожение, омницид

История человечества – история зла на Земле.

В. Швобель

Вся история человечества – одно сплошное преступление.

А. Макаревич

Человек отличается от животных именно тем, что он убийца.

Э. Фромм

¹ Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister. – Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeltzer, 1868. Статья опубликована в: Телескоп. Журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3. 2018. С. 15–18.

Предисловие

Сразу оговорюсь: я люблю Жизнь, Творчество, Искусство, Путешествия. И, конечно, мою Наташу. Да и морепродукты, и коньяк... Я знаю немало умных, порядочных, доброжелательных людей. У меня хорошие дети-внуки. Но все это не мешает мне думать о Человечестве. И чем дальше (чем ближе к Концу), тем с большим отвращением. Об этом – многие мои публикации².

Предлагаемые рассуждения – лишь очередная попытка более или менее прояснить, – прежде всего, для себя, – ***что же это за напасть такая на Земле, готовая уничтожить все живое на ней?!***

² Только из последних: Гилинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. – СПб: Алетейя, 2017; Он же. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетейя, 2017; Он же. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник статей. – СПб: Алетейя, 2017 (особенно: Онтологический трагизм бытия., 1995; Капитализм или социализм? Оба хуже, 2016; Что день грядущий нам готовит? 2016).

Между историей и социологией

Представителям животного мира Земли присуща *агрессия*, как средство выживания, «борьбы за существование». Агрессия животных *инструментальна*: за самосохранение, за пищу, борьба за самку, защита детенышей и т. п. Первобытный человек сохраняет эту агрессивность, но уже начинается отход от чистой инструментальности. Иначе почему археологи обнаруживают массовые останки людей с черепами, расколотыми первобытными орудиями?³... Обороняться от хищных зверей – да, бороться за самку (простите, женщину) – да, опаса́ться представителей соседних племен – да. Но зачем же их убивать «просто так, для интереса»? Вот так начался переход от *агрессии* животных к человеческому *насилию*.

Если *агрессия* – средство «борьбы за существование», выживание то социальное *насилие*, присущее только человеку, – есть средство «сверхборьбы» за «сверхсуществование» (лучшее, комфортное, богатое, привилегированное существование).

От первобытного человека к рабовладению, далее к феодализму и капитализму, «социализму» – путь возрастания *возможностей и средств* социального насилия: от первобытного топора к стрелам – мушкетам – пистолетам – танкам и самолетам – атомному оружию. Наконец-то человечество от сотен – тысяч – миллионов жертв войны готово перейти к тотальному самоуничтожению (омнициду)⁴...

Очень важно понять истоки, механизм социального насилия. Очевидно, человек, получивший в процессе исторического становления и развития возможность *улучшить* свое земное существование – «вкуснее» и разнообразнее питаться; теплее и «красивее» одеваться; жить все в лучшем, все более удобном жилище; владеть все большим количеством рабов/слуг/подчиненных и т. п. – будет все активнее, все яростнее, все «насильственнее» сражаться за сохранение добытых благ и приобретение благ все новых и новых. Позднее это будет осмысленно как «денег много не бывает»... Но и этого мало: «у соседа сдохла кобыла, казалось бы, какое мое дело? А все-таки приятно». «Быть как все», «быть лучше, чем они» – не только сегодняшние «лозунги», а передающиеся из поколения в поколение. «Зарождение дифференцированного потребления вообще датируется более ранним временем, чем появление чего-либо, что можно было бы безусловно назвать денежной силой. Такое потребление восходит к начальной фазе хищнической культуры.»⁵

³ См. подробнее: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974; Он же. Контрсуггестия и история. В: История и психология / ред. Б.Ф. Поршнев, Л.П. Анцыферова. – М.: Наука, 1971. С. 7–35.

⁴ «Омницид – поголовное истребление всего живого. Человек – устроивший омницид – Апокалиптический маньяк – персонаж, страстно желающий устроить конец света. Он хочет убить их всех, и, что важно, может убить их всех» (<http://ru.zlodei.wikia.com/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%20%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%D0%9E%D0%BC%D0%BD%D0%B8%D1%86%20%D0%B8%D0%B4>)

⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. С. 108.

Подробнее о капитализме / социализме

Формирование капиталистических общественных отношений явилось безусловным шагом вперед по сравнению с рабовладением / феодализмом. Но что значит «вперед»? Где критерий позитивного развития? И здесь, как во всем, возможны различные точки зрения. Я исхожу из того, что *высшими ценностями человека являются его Жизнь и Свобода*. В том числе, продолжительность жизни и здоровье человека и все большая свобода от природных и социальных ограничений.

По сравнению с предыдущими формациями (кто не согласен с вышеприведенной классификацией – предложите любую другую) *капитализм* является прогрессом и в части лучшего обеспечения здоровья и продолжительности жизни, и в плане повышения степени свободы.

Очень интересно произошло с *социализмом*. Теоретически – это дальнейший шаг вперед – ко все большей свободе. «Весь мир насилия мы разрушим. Кто был никем, тот станет всем». Практически, на примере «социалистических» стран, включая СССР, – шаг назад (или в сторону). Да, был вполне продвинутый «шведский социализм», но и он продолжался недолго. И вот здесь-то может и «зарыта собака» в деле понимания природы человека. Ведь социализм предполагает всеобщее равенство (ура, свобода!), всеобщий труд во благо всех. А вот трудиться не исключительно для себя, а для всех – зачем усердствовать? И «социализм» стал резко уступать «капитализму» в развитии производства, технологий. Да, в саморазвенчании социализма в значительной степени виновато то, *где* он стал реализовываться. Отсталая во всех отношениях Россия была не лучшим полигоном апробирования новой формации... Но *нигде и никогда* действительно очень соблазнительные принципы социализма не будут реализованы. Нигде и никогда люди *en masse* не будут самозабвенно трудиться на *общее* благо. Да, есть альтруизм, самопожертвование у людей (и у животных!), но это отдельные проявления, не меняющие общей картины эгоизма и конкуренции.

Ну, а как развивался и развивается капитализм?

Становление капиталистических общественных отношений, капиталистической свободной экономики, основанной на принципе *laissez faire*, явилось мощным стимулом развития промышленности, экономики, технологий. Промышленные революции следовали одна за другой, венцом коих явилась нынешняя Четвертая. Но, как все на свете (не забывайте принцип Инь-Ян!), бурное позитивное развитие влекло негативные последствия, которые со временем все больше омрачали радость прогресса. И если во времена К. Маркса, Ф. Энгельса это были противоречия между трудом и капиталом, между рабочими и капиталистами, то к обществу постмодерна (с 1960-1980-х годов) классовые различия и классовые противоречия *step by step* сменились расколом человечества и населения каждой страны на *включенных (included)* в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и фактически *исключенных (excluded)* из экономической, политической, культурной жизни. Я много писал и публиковал об этом⁶, поэтому повторюсь кратко.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁷.

⁶ См., например: Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6. С. 69–77.

⁷ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140–156.

Работа Рене Ленуара показала, что «исключение» приобретает характер *не индивидуальной неудачи*, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а *социального феномена*, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей⁸. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»⁹.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»¹⁰.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли¹¹. В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*¹².

О катастрофических последствиях страшного экономического неравенства пишет Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц¹³.

Все основательнее вырисовываются *два лица* свободной экономики, свободных рыночных отношений¹⁴.

С одной стороны – безусловный экономический рост; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий.

С другой стороны – растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности, как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики; растущее недовольство большинства населения господствующим в политике и экономике меньшинством и др.

Особенно задуматься над «Новым миром» заставляют труды С. Жижека¹⁵. В «Размышлениях в красном цвете» (намек на коммунистическую доктрину), он демонстрирует фактически завершённый раскол мира на два полюса: «*новый глобальный класс*» – замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир

⁸ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. – Paris: Seuil, 1974.

⁹ Погам С. Указ. соч. С. 147.

¹⁰ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. – Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5–7.

¹¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М., 2003.

¹² Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World system // International Sociology. 2000, Vol.15, N 3.

¹³ Стиглиц Дж. Цена неравенства. – М.: Эксмо, 2015.

¹⁴ Гишинский Я.И. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012. С. 58–75.

¹⁵ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М., 2008; Он же. О насилии. – М., 2010; Он же. Размышления в красном цвете. – М., 2011.

для решения своей герменевтической проблемы» (с. 6) и – большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет «кровеносную систему» здорового ребенка» (с. 19). Поэтому (и не только) – «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет» (с. 21).

В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли» (с. 8).

Можно, конечно, отмахнуться от трудов С. Жижекa и иже с ним, но как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономическим неравенством, миллионами «исключенных», и соответствующей реакцией, начиная от «цветных революций» и «арабской весны» до массового летне-осеннего движения 2011 г. – *Occupy Wall Street* («Захватить Уолл-Стрит» – движение поддерживают от 40 % до 60 % американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Италию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию. В развитом капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция¹⁶. Происходит размывание *middle class* – основы и опоры капитализма... В результате мы имеем сверхразбогатевший олигархат, размываемый *middle class*, и огромные массы «исключенных», влачащих жалкое существование. Докапитализировались.

О проблемах дилеммы либертарианство/этатизм размышляют российские экономисты¹⁷.

А в России? По различным данным, сегодня в России не менее 60–80 % населения – «исключенные». А недавно в СМИ появилась их новая (по-моему, не удачная) характеристика – «гетто». У находящихся в нем людей отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации¹⁸. Безнадежность – имя им! Напомню, если в 2016 г. в мире 1 % населения владел 52 % всех богатств, то в том же году 1 % населения России владел 72,4 % всех богатств – первое место в мире по экономическому неравенству (на втором месте – Индия)!

Одна из важнейших, глобальных, неразрешимых проблем – «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния»¹⁹.

Не удивительно, что именно исключенные составляют основную социальную базу преступности, наркотизма, пьянства, проституции, суицида.

Либеральная, неолиберальная идеология (и практика, реальность!) оказывается столь же утопической, сколь утопическими были многочисленные разновидности социалистической (коммунистической) идеологии.

Иначе и быть не может: утопий было немало. Но что-то ни одна из них не реализовалась. И реализоваться *в принципе* не могла – **род человеческий не допустит свободы, равенства и братства!** Или, как пишет А.И. Пригожин, «Справедливость на Земле невозможна. Хотя

¹⁶ Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeiten gesellschaftlicher Transformation. – Baden-Baden, 2001. S. 29.

¹⁷ Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012; Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. – СПб: Леонтьевский центр, 2015.

¹⁸ Независимая Газета, 06.04.2011.

¹⁹ Луман Н. Дифференциация. – М.: Логос, 2006. С. 234.

бы потому, что она очень партийна. То, что справедливо для одних, ужасающе несправедливо для других»²⁰.

²⁰ Пригожин А.И. Законность – базовая ценность социального либерализма. В: Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. – СПб, 2015. С. 108.

Что дальше?

Сегодня более-менее объективный прогноз принципиально невозможен. Наша эпоха постмодерна характеризуется, помимо прочего, *неопределенностью*²¹. «Постмодернизм – это признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, это проблематизация социальной реальности, которая интерсубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом социальном явлении и процессе...»²². Неопределенность, вообще присущая социальному миру, в эпоху постмодерна является следствием нашего нахождения в растянувшейся «точке» бифуркации, когда направление дальнейшего развития принципиально непредсказуемо. Любой прогноз от «всеобщего счастья» до апокалипсиса, омницида (или сингулярности²³) равно относителен и неопределен.

Очевидно возможны два варианта для человечества. *Первый*, менее вероятный – человечество выживет, пройдя тяжелейший в истории период постмодерна. Причем выживет, возможно, достигнув невиданных успехов в своем генетически-технологическом развитии. *Второй*, более вероятный, учитывая тяжелое прошлое – человечество погибнет в результате омницида – ядерного, или экологического, или космологического, или... «Ядерный пепел» становится все большей реальностью. Тем более, что и «правые», и «левые» жаждут насильем изменить мир, построить его «по-своему», т. е. очередное «светлое будущее». Начавшаяся гонка вооружения – теперь опасного для всего человечества – усиливает вероятность пессимистического прогноза.

Остается только удивляться: как Homo якобы Sapiens, достигнув невысказанных экономических, технологических, научных высот, постоянно стремится к самоуничтожению. Как люди, испытавшие лично или через предков все ужасы войны, вновь и вновь охвачены военным психозом, видят кругом врагов, которые не подозревают, что они – «враги», но в свою очередь вынуждены крепить оборону от вооружающихся соседей.

Если человечество жаждет все новых и новых войн до «полной победы», если обезумевшие вожди стремятся к «победам», а презираемые властью и «народом» пацифисты, вроде меня, не в состоянии сплотиться и вышвырнуть таких вождей и их прихвостней на свалку, то мне не жалко самоуничтожающееся человечество. Мне безумно жаль невинных животных, которые будут уничтожены в ядерном безумии людей...

²¹ Подробнее об обществе постмодерна см.: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетейя, 2017.

²² Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, № 4 (10). С. 47–48.

²³ Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – NY: PG, 2005; Rees M.J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty first Century? – NY: Basic Books, 2003.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М., 2003.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
3. Гишинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6.
4. Гишинский Я.И. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012.
5. Гишинский Я. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник статей. – СПб: Алетейя, 2017.
6. Гишинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. – СПб: Алетейя, 2017.
7. Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетейя, 2017.
8. Жижек С. Размышления в красном цвете. – М., 2011.
9. Жижек С. О насилии. – М., 2010.
10. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М., 2008.
11. Луман Н. Дифференциация. – М.: Логос, 2006.
12. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999.
13. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история. В: История и психология/ред. Б.Ф. Поршнева, Л.П. Анцыферова. – М.: Наука, 1971.
14. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974.
15. Пригожин А.И. Законность – базовая ценность социального либерализма. В: Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. – СПб: Леонтьевский центр, 2015.
16. Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. – СПб: Леонтьевский центр, 2015.
17. Стиглиц Дж. Цена неравенства. – М.: Эксмо, 2015.
18. Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, № 4 (10).
19. Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012.
20. Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeiten gesellschaftlicher Transformation. – Baden-Baden, 2001.
21. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. – Cambridge: Polity Press, 2004.
22. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – NY: PG, 2005.
23. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. – Paris: Seuil, 1974.
24. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister. – Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeltzer, 1868.
25. Rees M.J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty first Century? – NY: Basic Books, 2003.
26. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World system // International Sociology. 2000, Vol. 15, N 3.

Наказание как результат недомыслия²⁴

Всякое наказание преступно.

Л. Толстой

Наказание – это очевидный расход и неявная выгода.

А. Жалинский

Вместо предисловия

Как мы все привыкли к необходимости наказания за преступления! Как мы все не мыслим жизнь без наказания за содеянное, как многие из нас требуют «усилить уголовную ответственность», «восстановить смертную казнь»! А если подумать?

Целями наказания ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) называют: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений. Рассмотрим каждую прокламируемую цель.

Восстановление социальной справедливости. А кто знает, что такое «социальная справедливость»? Где дается *юридическое* определение этого понятия? Социальная справедливость – с точки зрения потерпевшего, его близких, виновника, его близких, «населения» (но оно очень неоднородно)? С точки зрения профессора Х, смертная казнь справедлива и необходима, с моей точки зрения, смертная казнь – недопустимое преступление (убийство)... Неопределенность понятия делает бессмысленным его правовое понимание и применение.

Исправление осужденного. А можно ли кого бы то ни было «исправить» наказанием? Не теоретически, а практически? Один из известнейших американских педиатров, Бенджамин Спок – автор книги «Ребенок и уход за ним», изданной в 1946 году и ставшей одним из крупнейших бестселлеров не только в США, им зачитывалось мое поколение в России, писал, что преступниками вырастают дети, испытывавшие дефицит любви, а не наказания. С точки зрения детских психологов, педагогов, если ребенок подвергался физическим наказаниям, из него с высокой вероятностью вырастет насильственный преступник.

Но не только *физические* наказания – криминогенный фактор. Не забуду уголовного дела, в рассмотрении которого я много лет тому назад принимал участие. Женя воспитывался в очень благополучной семье. У отца была автомашина (нечастый случай в 1960-е годы), семья не бедствовала, отец не наказывал сына физически, брал его с собой на охоту. Мальчик рос отличником, «досрочно» был принят в комсомол, играл на гармонии, активно участвовал в спортивных секциях. Но! При всем при том отец Жени был строгим по отношению к членам семьи. Жена не имела права «краситься», не могла носить «драгоценности», а сын должен был во всем слушаться отца. За проступки – вернулся домой позже 20 часов, не выполнил задание по игре на гармонии и т. п. – следовало наказание: запрет смотреть интересную телепередачу, запрет посещения очередного занятия спортивной секции и др. Когда количество подобных наказаний переросло в качество – отец запретил идти на занятие спортивной секции, а ее руководитель предупредил мальчика, что отчислит его из секции за очередное непосещение, – Женя днем, когда его отец пришел домой с работы на обеденный перерыв, выстрелом в упор из охотничьего ружья застрелил отца... Когда судья оглашала приговор – 6 лет лишения свободы – у нее текли слезы из глаз.

²⁴ Статья опубликована в: Ж. «Неволя», 2017, № 52.

Итак, наказание – скорее криминогенный, нежели «воспитательный» фактор. О негативных последствиях *официальных* наказаний размышляли представители теории стигматизации (Г. Беккер, Ф. Танненбаум, Е. Лемерт, Э. Шур и др.). О предпочтении «положительных санкций» (поощрений) по сравнению с «негативными санкциями» (наказаниями) говорится в труде П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» (СПб., 1913). Да, к сожалению, люди не научились обходиться без наказаний, но об этом ниже.

Предупреждение совершения новых преступлений. Речь идет о *специальном* предупреждении (со стороны осужденного) и *общем* предупреждении – со стороны других лиц, «чтобы другим неповадно было».

Что касается *специального* предупреждения, то норвежский профессор Т. Матисен в работе 1974 года на основании исследования уголовной статистики ряда европейских стран показал, что уровень рецидива относительно постоянен для каждой страны, что бы ни предпринимали правоохранительные органы! Т. Матисен и заговорил о «кризисе наказания» – неэффективности наказания в достижении предписываемых наказанию целей. Об этом свидетельствуют и современные данные. Так, в США (очень жесткая система наказаний) в тюрьмы возвращается около 50–60 % отсидевших, а в гуманной Норвегии – менее 20 %. В России уровень рецидива также был относительно постоянен, но за последнее время растет, подтверждая бессмысленность усиления репрессий в целях «предупреждения» преступлений. Так, доля рецидивной преступности составляла в России в 1988 – 25,9 %; в 1997 – 33,7 %; в 2013 – 47,7 %...

О неэффективности *общего* предупреждения свидетельствуют хотя бы два факта: во-первых, человечество испробовало все мыслимые и немыслимые меры наказания, включая страшные квалифицированные виды смертной казни (четвертование, сожжение на костре, заливание расплавленного свинца в горло, замуровывание заживо и др.), без видимого результата; преступность носит массовый характер и не «сокращается» под воздействием репрессий. Во-вторых, наблюдается волнообразный характер динамики преступности и ее основных видов: с конца 1950-х по конец 1990-х – начало 2000-х годов уровень преступности (на 100 тыс. населения каждой страны) *возрастал во всем мире*, а с конца 1990-х – начала 2000-х годов *сокращается во всем мире*. При этом уровень репрессивности за последние десятилетия скорее уменьшается. Так что же способствует сокращению преступности? Да, конечно, не только снижение репрессивности, но и иные факторы. Но это тема самостоятельного обсуждения [См., например: *Гилинский Я.* Очерки по криминологии. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 89–99; *Гилинский Я.И.* Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // *Криминалистика*. № 1 (18); 2016. С. 3–8].

Смертная казнь

Убийство на эшафоте – худший вид убийства.

Б. Шоу

Смертная казнь сама есть преступление, убийство (в полном соответствии с определением убийства в российском законодательстве: «умышленное причинение смерти другому человеку» – ст. 105 УК РФ).

Смертная казнь не только «не может быть полезна, потому что она подает пример жестокости» (Ч. Беккариа). Она сама есть преступление, умышленное убийство, о чем говорил не только процитированный в эпиграфе Б. Шоу, но и М.Н. Гернет, утверждавший в работе «Смертная казнь» (М., 1913), что смертная казнь есть «институт легального убийства». Вообще, вся дореволюционная российская профессура была категорически против смертной казни. Так, сенатор, академик Н.С. Таганцев, выступая в Государственном совете 27 июня 1906 года за отмену смертной казни, в частности, произнес: «Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все, что нецелесообразно, то вредно и при определенных условиях несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене казни» [Таганцев Н.С. По законопроекту об отмене смертной казни. // Смертная казнь: за и против / под ред. С.Г. Келиной. М.: Юридическая литература, 1989. С. 153].

Многолетняя практика показала, что применение смертной казни не только не предупреждает тягчайшие преступления, а, наоборот, способствует их совершению. Так, К. Маркс в статье от 28 января 1853 года показал, что после каждой публичной казни резко возрастает число тех преступлений, за которые казнили преступника. В Австрии, Аргентине, ряде других стран после отмены смертной казни сократилось число тех преступлений, за которые она могла быть назначена. В 1965 году в Великобритании был проведен уникальный эксперимент – наложен мораторий на смертную казнь сроком на пять лет. В результате количество тех преступлений, за которые назначалась смертная казнь до моратория, не увеличилось, и смертная казнь была отменена.

Смертная казнь является необратимым наказанием. Это означает, что в случае судебной ошибки приговор к смертной казни, приведенный в исполнение, не может быть «исправлен» при выяснении ошибки. Сторонники смертной казни в России нередко ссылаются на дело серийного убийцы А. Чикатило. Но ведь до раскрытия этого страшного дела были расстреляны двое невиновных, обвиненных в тех убийствах, которые в действительности, как выяснилось позднее, совершил Чикатило. А судебные ошибки неизбежны в любом государстве, при любой судебной системе.

Отношение к смертной казни служит своеобразным индикатором цивилизованности/варварства, гуманности/бесчеловечности, терпимости/нетерпимости.

Очевидно вопрос «за или против смертной казни?» исчерпал себя, во-первых, в том смысле, что за столетия дискуссии все доводы *pro et contra* давно известны и вряд ли могут появиться новые. Меняются лишь акценты в зависимости от того, политические, юридические, культурологические или иные аспекты темы превалируют в конкретной ситуации и дискуссии.

Кроме того, этот вопрос давно превратился в некий символ, «метку», индикатор, разделяющий сторонников и противников смертной казни на два лагеря по мировоззренческим, идеологическим позициям. «Высказываясь за смертную казнь или против нее, мы характеризуем не столько проблему, сколько собственную личность» (А. Мелихов). И тогда с одной сто-

роны – А. Франс, В. Гюго, Б. Шоу, А. Швейцер, М. Ганди, Ф. Достоевский, А. Кони, В. Короленко, Л. Толстой, И. Тургенев, А. Радищев, А. Герцен,

А. Сахаров, лучшие представители российской уголовно-правовой мысли – М. Духовской, Н. Таганцев, Н. Сергеевский,

В. Спасович, А. Кистяковский, П. Люблинский, А. Жижиленко, М. Гернет и множество других славных имен. На другой стороне – Пуришкевич, Победоносцев, Блудов, кн. Щербатов...

Смертная казнь – символ и орудие монополии государства и власти на жизнь и смерть. Но эта монополия осуществляется и неправовым путем. Отечественная история XX столетия хорошо знакома как с внесудебной расправой посредством «троек» (административные органы, имевшие право приговаривать к расстрелу при разбирательстве без свидетелей, экспертов и защиты), так и с массовыми расстрелами без какой бы то ни было правовой процедуры.

В настоящее время смертная казнь отменена *de jure* или *de facto* во всех странах Западной и Центральной Европы (кроме Белоруссии), в Канаде, Австралии, в большинстве стран Латинской Америки и многих других государствах, всего в 140. Смертная казнь сохраняется, к сожалению, еще в 58 государствах [Amnesty International. *Death sentences and executions*. 2015. P. 38]. Есть надежда, что этот позорный институт рано или поздно прекратит свое существование и в других странах.

Лишение свободы

Известны все недостатки тюрьмы.

Известно, что она опасна, если не бесполезна.

И все же никто «не видит» чем ее заменить.

Она – отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись.

М. Фуко

Лишение свободы – неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений.

О губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет [*Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии.* Юриздат Украины, 1930]. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.* Никогда еще никого не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее наоборот. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие – вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества» [*Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ.* 2-е изд. М., 2009. С. 18].

Единственная реальная цель лишения свободы – *изоляция* лица, совершившего тяжкое преступление. Но при существующих в России сроках лишения свободы и условий содержания (включая пытки и прочие издевательства) возникает вопрос: что же делать, зная о неэффективности, пагубности лишения свободы и незнания, неумения, непонимания, как обойтись без тюрьмы? Какой срок *изоляции* достаточен, чтобы, с одной стороны, дать преступнику время задуматься над содеянным и своим будущим? А с другой стороны, еще не успели наступить такие отрицательные последствия, как утрата психического и физического здоровья, разрушение семейных связей, потеря трудовых и учебных навыков, формирование чувства ненависти, злобы ко всем и всему в атмосфере «зоны»?

Во-первых, при полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении *тяжких насильственных* преступлений и только *в отношении взрослых* (совершеннолетних) преступников. В странах Европы и в Японии стараются минимизировать число лиц, приговариваемых к лишению свободы. В Японии, например, свыше 85 % осужденных приговариваются к штрафу. А в Великобритании существуют шесть видов общественных работ разной тяжести ради того, чтобы сократить долю осужденных к лишению свободы.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Обычно сроки исчисляются неделями и месяцами, во всяком случае – до 2–3 лет, то есть до наступления необратимых изменений психики. К началу 2016 года средний срок лишения свободы в странах Европы был 1 год 8 месяцев. В Японии свыше 50 % осужденных к лишению свободы приговариваются на срок до 2 лет (Уэда Кан, Н.А. Морозов).

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, качественное

медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т. п. [См., например: Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012].

Немного личных впечатлений. Начальник тюрьмы в г. Турку (Финляндия) рассказывал мне, что с недавних пор в целях сохранения чувства собственного достоинства заключенных, каждому из них дается... ключ от камеры. Чтобы, уходя из «своей комнаты», осужденный закрывал бы ее на ключ, а возвращаясь, открывал дверь ключом. Разумеется, это не исключает контроля за содержимым камеры (наш «шмон»). В этой же тюрьме я присутствовал при волейбольной игре заключенных в прекрасном спортивном зале.

Начальник тюрьмы под Дублином (Ирландия) удивился моему вопросу о количестве заключенных в одной камере. «Конечно, по одному. Не могут же двое незнакомых мужчин проживать в одном помещении». А начальник службы исполнения наказания Польши проводил в медицинскую часть Варшавского центра (тюрьмы), оборудование которой поражало изобилием современной медицинской техники и комфортными условиями нахождения в ней. В тюрьме г. Фрайбурга (Германия) заключенные и тюремный персонал питаются из одного котла (и мне довелось отведать), а в ирландской тюрьме мимо меня провезли полдник для заключенных, который состоял из каши, белого хлеба, двух яиц, молока (или кефира – я не очень разглядел) и апельсина. Справедливости ради следует отметить, что тюрьма в Нью-Йорке производит гнетущее впечатление, заключенные находятся там как в клетке за решеткой.

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.